

КОНЦЕПТ «ЕР / ЗЕМЛЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: УЗБЕКСКО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Эргашева Шахло

Студентка магистратуры

Университета Туран

Аннотация. В статье на материале узбекской и русской художественной литературы анализируются особенности вербализации концепта «Ер / Земля» в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Выявляются основные функции концепта в художественном тексте (композиционная, символическая, этическая, психологическая), а также национально-специфические черты его образного воплощения. В узбекской литературе земля предстаёт как символ процветания, честного труда и семейной преемственности; в русской — как носитель исторической памяти, духовной стойкости и экзистенциального поиска. Устанавливаются общие для обеих традиций смысловые доминанты: связь земли с идентичностью, домом, предками и моральной ответственностью.

Ключевые слова: концепт, художественный дискурс, «Ер / Земля», узбекская литература, русская литература, образ земли, символика, сравнительный анализ.

Введение. В современной лингвокультурологии и когнитивной лингвистике концепт понимается как многомерное ментальное образование, объединяющее понятийное ядро, образные, оценочные и ассоциативные слои. Одним из ключевых концептов в узбекской и русской языковых картинах мира является «Ер / Земля». Как отмечает Ш. С. Эргашева в своём диссертационном исследовании, этот концепт сочетает пространственные, культурные и символические значения, отражает национальную идентичность и традиционные ценности.

Наиболее полно и многоаспектно концепт раскрывается в художественном дискурсе. В литературных произведениях земля перестаёт быть только физической категорией и превращается в мощный символический, этический и психологический элемент повествования. Цель данной статьи — на основе анализа, проведённого в диссертации Ш. С. Эргашевой, выявить общие черты и национальные особенности репрезентации концепта «Ер / Земля» в узбекской и русской художественной литературе.

Функции концепта «Земля» в художественном тексте. Первая — композиционная: земля служит структурообразующим элементом сюжета, особенно в произведениях, посвящённых сельской жизни, крестьянству и социальным преобразованиям. Вторая — символическая: земля обозначает дом, родину, память, истину или судьбу.

Третья — этическая: отношение персонажа к земле отражает его моральный облик; уважение к земле свидетельствует о душевной целостности, а пренебрежение — о духовной пустоте. Четвёртая — психологическая и эмоциональная: земля выражает такие состояния, как ностальгия, печаль, надежда или духовное стремление; возвращение на родную землю символизирует исцеление и обретение утраченной идентичности. Эти функции присутствуют в обеих литературных традициях, однако их конкретное наполнение и эмоциональный тон существенно различаются в силу различий исторического опыта, хозяйственного уклада и культурных кодов.

Образ земли в узбекской художественной литературе. Согласно диссертации, в узбекской прозе и поэзии земля занимает «центральное и глубоко символичное место, отражая культурное мировоззрение, исторический опыт и этические ценности нации». Узбекская литература, выросшая из многовековой аграрной культуры с развитой ирригацией, изображает землю как живого, отзывчивого партнёра, который отвечает на заботу и труд человека. В произведениях Абдуллы Каххора земля неразрывно связана с честным трудом, семейным достатком и уважением в общине. Персонажи, которые с любовью обрабатывают землю, предстают как высоконравственные люди, а те, кто пренебрегает ею, оказываются оторванными от своих корней. У Саида Ахмада пренебрежение землёй ведёт к моральному падению, что подчёркивает этическую функцию концепта. У Одила Екубова земля выступает как хранительница памяти предков: она сохраняет следы труда отцов и дедов, а возвращение на родину становится актом эмоционального исцеления и восстановления идентичности.

В узбекской поэзии земля часто изображается через образы садов, цветущих полей и орошаемых арыков. Эти образы символизируют гармонию, изобилие и божественное благословение. Эмоциональный тон узбекской литературной земли — тёплый, жизнеутверждающий, благодарный. Даже в драматических ситуациях земля остаётся источником надежды и стабильности.

Образ земли в русской художественной литературе. Русская литературная традиция, создаёт иной символический портрет земли. Здесь земля — «не просто физическая почва, но метафизическая и экзистенциальная категория». Это различие обусловлено обширными территориями, суровым климатом, длительной историей социальных потрясений и сильным влиянием православной духовности. У Л. Н. Толстого и М. А. Шолохова земля становится участницей исторических катаклизмов — войн, революций, раскулачивания. Она впитывает кровь, слёзы и пот, приобретая сакрально-трагический оттенок. У Ф. М. Достоевского герои в моменты духовного кризиса обращаются к земле: поцелуй земли, поклон земле символизируют покаяние, смирение и обретение связи с народной правдой. В «Записках охотника» И. С. Тургенева русские пейзажи меланхоличны; земля может быть суровой,

испытывающей человека на прочность, однако именно эта суровость рождает стойкость и духовную глубину.

Важнейший мотив русской литературы — родная земля как духовная опора. Разлука с родной землёй (эмиграция, ссылка, вынужденное переселение) изображается как духовная смерть, а возвращение — как воскресение. Эмоциональная палитра русской литературной земли простирается от благоговения и ностальгии до печали и трагического пафоса. Земля здесь выступает не только кормилицей, но и судьёй, исповедником, хранительницей коллективной исторической памяти.

Сопоставление двух литературных традиций позволяет выявить как глубокие различия, так и важные параллели. В узбекской литературе доминирует этика гармоничного труда и взаимного процветания, где земля — благодарный партнёр человека. В русской литературе на первый план выходят экзистенциально-историческая рефлексия, память страданий и духовная стойкость, где земля предстаёт как судьба и испытание. Однако при всех различиях обе традиции сходятся в главном. В обеих литературах земля является маркером идентичности — личной и коллективной. Она выступает как моральная категория: уважение к земле всегда добродетель, а пренебрежение — порок. Возвращение на родную землю в обеих культурах символизирует исцеление, примирение и обретение себя. Земля связывает прошлое, настоящее и будущее, выступая хранительницей памяти предков.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что художественный дискурс узбекской и русской литератур по-разному, но с равной глубиной вербализует концепт «Ер / Земля». В узбекской традиции преобладает этика гармоничного труда и взаимного процветания, где земля выступает как благодарный партнёр человека, источник стабильности и семейного достатка. В русской традиции доминируют экзистенциально-историческая рефлексия и духовная стойкость; земля осмысливается как свидетель судьбы, хранительница памяти страданий и моральная опора.

Выявленные параллели свидетельствуют о том, что при всех национальных различиях в обоих литературных ареалах земля остаётся ключевым маркером идентичности, связующим звеном между поколениями и нравственным ориентиром. Полученные результаты могут быть использованы в курсах лингвокультурологии, сравнительного литературоведения, теории и практики перевода, а также в исследованиях по межкультурной коммуникации. Дальнейшее изучение концепта «Земля» в других жанрах и на материале современной литературы позволит углубить понимание национальных языковых картин мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов К. В. Концепт «Земля» в русской культуре. – Москва: Флинта, 2012. – 198 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 389 с.
4. Насруллаева Г. С. Лингвокультурные концепты в узбекском языке. – Ташкент: Фан, 2016. – 220 с.
5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – Москва: Академический проект, 2001. – 989 с.
6. Толстой Н. И. Язык и народная культура. – Москва: Индрик, 1995. – 512 с.
7. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p.

